

На правах рукописи

ДАНИЛОВА Наталия Ксенофоновна

**ЯКУТСКОЕ ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И РИТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск - 2010

Работа выполнена в секторе этнографии народов Северо-Востока России
Учреждения Российской Академии наук Института гуманитарных
исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Научный руководитель: доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Романова Екатерина Назаровна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Кулемзин Владислав Михайлович

кандидат исторических наук, доцент
Слепцов Платон Алексеевич

Ведущая организация: Учреждение Российской академии наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН

Защита диссертации состоится 10 декабря 2010 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.18 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина 34а.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. В последние десятилетия в российском научном мире одной из перспективных тем стало изучение организации жизненного пространства как составляющей единицы этнокультурного ландшафта. Широкие исследования в области ландшафтоведения, плодотворно разрабатываемые разными научными дисциплинами, дают возможность рассмотреть культурный ландшафт не только как объективное геоизображение местности, но и как гуманитарную категорию. Так, культурный ландшафт, понимаемый как жизненное пространство группы людей, прагматически, семантически и символически освоенное¹, рассматривается в качестве основы построения пространственных представлений в традиционной культуре.

В настоящее время всестороннее изучение традиционной культуры народа саха находится на высоком уровне. Следует отметить, что в якутской этнографии традиционное жилище достаточно рассмотрено в историческом плане, но нет исследований по выявлению его семиотического статуса как знакового компонента культурного пространства. Между тем активный процесс возрождения якутской традиционной культуры требует углубленных историко-этнографических, художественно-бытовых знаний о народе. Одним из приоритетных направлений в этой области стало возрождение принципов национальной архитектуры, которое имеет смысл лишь в комплексном видении, в ее неразрывной связи с духовными ценностями, поэтому реконструкция ритуальной архитектуры как важного элемента культурного наследия, является одной из главных задач градостроительной политики. В связи с этим приобретает актуальность научное осмысление этнических традиций, связанных с архитектурно-строительными навыками предков, которые будут способствовать научному

¹См.: Каганский В.Л. Мир культурного ландшафта // Наука о культуре: итоги и перспективы. М., 1995. Вып. 3. С. 31-67.

пониманию проблемы сохранения этнических компонентов в современном обществе.

На наш взгляд, внедрение в современную жизнь народных представлений, связанных с жилищем, и их популяризация имеют важное значение как для сохранения своей этнической культурной модели, так и для существования правильно выработанной политики по формированию современных требований к строительству традиционных архитектурных построек.

Рассматривая жилище в исследовательском поле якутской традиции, можно утверждать, что дом в якутской культуре и сегодня остается символом не только материальных, но и духовных, нравственных ценностей, в котором сосредоточена культурно-историческая память народа.

Историография и изученность темы. Пространство как некая «онтологическая» категория представляет собой самоочевидную концепцию, и его философское осмысление имеет давнюю и фундаментальную историю. В гуманитарной науке пространство разрабатывается разными смежными дисциплинами не просто как физическое пространство, а «как конструируемая человеком пространственная среда – физическое и ментальное выражение организации пространством человека»². На ведущую роль пространства среди категорий, определяющих систему мировидения человека средневековой культуры, в свое время указывал А.Я. Гуревич³.

Проблема культурного пространства в разное время плодотворно разрабатывалась сторонниками семиотического метода В.В. Ивановым, Е.М. Мелетинским, Ю.М. Лотманом, С.Ю. Неклюдовым, В.Н. Топоровым и др., в трудах которых мифопоэтический и мифоритуальный миры рассматривались через призму пространственно-временного континуума.

Среди работ, имеющих отношение к теории культурного пространства, следует выделить исследования в области гуманитарной географии В.Л. Каганского,

² Тишков В.А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. №1. С. 17, 19.

³ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 354 с.

В.В. Калуцкого, Д.Н. Замятина⁴ и др., в которых освоенное человеком пространство рассматривается как одна из важных категорий культурного ландшафта.

В последнее время термин «пространство» на фоне изучения этнического пространства используется как эквивалент понятия «традиционный мир». Здесь можно отметить фундаментальные работы А.К. Байбурина, Т.В. Цивьян, Н.Л. Жуковской и монографии по традиционному мировоззрению тюрков Южной Сибири Э.Л. Львовой, И.В. Октябрьской, А.М. Сагалаева, М.С. Усмановой⁵, которые заложили основу для изучения региональных этнических категорий пространства и времени, символических аспектов традиционного жилища, основных принципов освоения пространства.

Проблемам символической организации жизненного пространства и семантики традиционного жилища посвящены работы И.Н. Гемуева, С.Г. Жамбаловой,

Т.Д. Скрынниковой, С.Н. Шитовой, Э.П. Бакаевой, Ю.И. Сангаджиева, М.М. Содномпиловой и др.⁶, где авторы уделяют внимание вопросам организации сакрального пространства, его теоретического и концептуального осмысления, раскрывают систему смыслов и значений с точки зрения символической классификации жизненного пространства по принципу свой/чужой.

⁴ См.: Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. 576 с.; Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье / В.В. Калуцков [и др.]. М., 1998. 136 с.; Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Смоленск, 1998. С. 7-14; Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006. 488 с.

⁵ См.: Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1982. 183 с.; Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира: исследования по структуре текста. М., 1999. 376 с.; Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. 194 с.; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э.Л. Львова [и др.]. Новосибирск, 1988. 224 с.

⁶ См.: Гемуев И.Н. Мировоззрение народа манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990. 232 с.; Жамбалова С.Г. Сакральный и профанный миры ольхонских бурят. Новосибирск, 2000. 394 с.; Она же. Поселения и жилища // Буряты. М., 2004. С. 136-151. (Народы и культуры); Скрынникова Т.Д. Символическое сакральное пространство бурятского фольклора // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Иркутск, 2003. С. 59-90; Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир (II половина XIX – I четверть XX в.). М., 1981. 252 с.; Бакаева Э.П., Сангаджиев Ю.И. Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста, 2005. 224 с.; Содномпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск, 2005. 220 с.

Жилище как один из главных элементов системы жизнеобеспечения всегда являлось объектом изучения этнографов. Традиции дотюркского домостроительства, типология и классификация жилища народов Юго-восточной и Центральной Азии были обстоятельно рассмотрены в работах И.Л. Кызласова, С.И. Вайнштейна, З.П. Соколовой, Д.Г. Савинова⁷.

Проблема национальных и региональных традиций в архитектурных комплексах исследовалась Д.Б. Пюрвеевым, Д. Майдар, С.Е. Ажигали, Е.А. Ащепковой, А.А. Поповым, В.М. Кимеевым, А. Я. Янбухтиной, Р.Р. Садиковым и др.⁸.

Традиционное жилище народа саха впервые достаточно подробно было рассмотрено в трудах дореволюционных исследователей: А.Ф. Миддендорфа, И.А. Худякова, Э.К. Пекарского, В.Е. Гориновича, В.Л. Серошевского, Р.К. Маака, В.М. Ионов, А.Е. Кулаковского⁹. Помимо описания и характеристики якутского жилища ими была предпринята попытка изучения его эволюции, обусловленной историческими, социально-экономическими, культурными факторами.

Ценный вклад в изучение якутской этнографии внес основоположник

⁷ См.: Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.; Самара, 2005. 96 с.; Вайнштейн С.И. Проблемы истории степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 42-62; Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998. 288 с.; Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб., 1996. 106 с.

⁸ См.: Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980. 215 с.; Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002. 654 с. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество Западной Сибири. М., 1950. 141 с.; Попов А.А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган (по материалам командировки от АН СССР в 1930-1931) // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 142-172; Кимеев В.М., Притчин А.В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 16-31; Янбухтина А. Народные традиции в убранстве башкирского дома. Уфа, 1993; Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001. 181 с.

⁹ См.: Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1878. Ч. 2. 833 с.; Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969. 438 с.; Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М., 1959; Горинович В.Е. Народная медицина якутов. 1895 г. // Архив ПФАН. Ф. 202. Оп. 1. Д. 24. Л. 201-324; Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. СПб., 1896. Т. 1. 720 с.; Маак Р.К. Вилуйский округ Якутской области. СПб., 1887. Ч. 3. 192 с.; Ионов В.М. К вопросу об изучении дохристианских верований якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Петроград, 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 155-164; Кулаковский А.Е. Научные труды: работа по этнографии и фольклору. Якутск, 1979. 484 с.

якутской интеллектуальной традиции, известный ученый Г.В. Ксенофонтов. Им собран огромный корпус фольклорных и этнографических материалов по верованиям народа саха, которые нашли отражение в его опубликованных работах и хранятся в его фонде в Архиве ЯНЦ СО РАН¹⁰. В материалах Г.В. Ксенофонтова зафиксированы ценные сведения по ритуальной архитектуре народа саха.

Уникальные по содержанию архивные документы по традиционной культуре саха и жилище, в частности, хранятся в фонде якутских этнографов, краеведов А.А. Саввина, С.И. Боло, П.Б. Слепцова, Г.А. Готовцева¹¹. Особый интерес для нашего исследования представляют материалы А.А. Саввина, собранные в вилюйских (1937) и северных (1939) районах Якутии. Так, его этнографические и фольклорные материалы являются неоценимым источником в реконструкции строительного ритуала народа саха, интерпретации семиотического статуса образа жилища в традиционной культуре.

Особого внимания заслуживает визуальное наследие И.В. Попова и М.М. Носова¹², посвященное традиционному жилищу народа саха. Приходится только сожалеть, что лишь небольшая часть их работ доступна широкой аудитории. Огромный корпус этнографических рисунков и зарисовок обоих художников пока не введен в широкий научный оборот.

Большой вклад в изучение материальной культуры и быта народа саха внес А.А. Попов, который первым из якутских этнографов обратился к изучению традиционного жилища. Им была высказана гипотеза о южном происхождении якутской берестяной урасы¹³. Кроме того, были детально исследованы конструктивные особенности якутской урасы, проведены сравнительно-типологические параллели с жилищами Южной Сибири.

¹⁰ См.: Ксенофонтов Г.В. Материалы об Ысыахе // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12 а, б.

¹¹ См.: Саввин А.А. // Там же. Ф. 4. Оп. 12; Слепцов П.Б. // Там же. Ф.5. Оп. 3; Готовцев Г.А. // Там же. Ф. 5. Оп. 6.

¹² См.: Носов М.М. Материальная культура якутов // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 9. Д. 29; Попов И.В. Фольклорные материалы, собранные в Таттинском улус. 1928-1930 гг. // Там же. Д. 523, 795, 858.

¹³ См.: Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 131-226; Попов А.А. Старинная якутская берестяная юрта // Сб. тр. МАЭ АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1949. Т. 10. С. 98-106.

Идею А.А. Попова развила в своем исследовании О.В. Ионова. Ею была написана диссертационная работа «Жилые и хозяйственные постройки якутов (историко-этнографический очерк)¹⁴. Отдельные положения данного исследования нашли отражение в двух ее статьях¹⁵.

Впервые существование многоугольных построек на территории Центральной Якутии было упомянуто С.А. Токаревым в его статье «Якутская экспедиция Государственного музея народов СССР»¹⁶. Настоящая работа и стала первым ориентиром в изучении якутского жилища.

Краткое описание урасы постоянного типа было изложено М.М. Носовым в статье «Якутская берестяная ураса»¹⁷, где он рассмотрел способы приготовления и украшения берестяных полос, покрывающих каркас урасы.

Художественному оформлению берестяной урасы посвящена небольшая брошюра Б.Ф. Неустроева–Мандар «Саха туоһа» (Якутская береста)¹⁸.

Особое значение для нашего исследования имеет монография Ф.М. Зыкова «Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование»¹⁹, которая стала результатом его многолетнего труда. Этот монографический труд посвящен изучению традиционных форм поселений, жилищ и хозяйственных построек якутов. Одним из примечательных моментов работы Ф.М. Зыкова является то, что автор рассматривает практически все виды зимних и летних типов жилищ, объясняет их эволюционное развитие, сравнивает их с жилищами тюркоязычных народов, а также обстоятельно описывает хозяйственные постройки и строительную технику. Изучая происхождение якутского балагана, Ф.М. Зыков выявляет южные истоки его конструкции. Отрицая начальную связь якутских балаганов с постройками русского типа и жердяными чумами – *холомо*, автор в качестве под-

¹⁴ Ионова О.В. Жилые и хозяйственные постройки якутов (историко-этнографический очерк). 1951 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 224.

¹⁵ См.: Ионова О.В. Многоугольные постройки якутов // Собрание материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948. С. 95-106; Она же. Жилые и хозяйственные постройки якутов // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 239-319.

¹⁶ Токарев С.А. Якутская экспедиция Государственного музея народов СССР // СЭ. 1935. № 2. С. 179.

¹⁷ См.: Носов М.М. Якутская берестяная ураса. Якутск, 1954. 31 с.

¹⁸ См.: Неустроев Б.Ф. – Мандар. Саха туоһа. Дьокуускай, 1996. 28 с.

¹⁹ См.: Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Новосибирск, 1986. 100 с.

тверждения этой точки зрения проводит генетическую параллель балагана с хакасским жилищем «*ат иб*»²⁰. Данное предположение поддерживает открытие «торгажакских жилищ» в Хакасии с такой же, как у якутского балагана, конструкцией²¹.

В разработку мифоритуальных концепций и изучение организации жизненного пространства якутского народа существенный вклад внесли современные исследования якутских ученых (Н.А. Алексеев, А.И. Гоголев, Е.Н. Романова, Р.И. Бравина, П.А. Слепцов, В.Е. Васильев, С.К. Колодезников, Л.Л. Габышева, Л.Н. Семенова)²², которые впервые в якутской историографии подвергли анализу целостную картину мира народа саха в неразрывном единстве с традиционным мировоззрением и духовной культурой.

Объект исследования – традиционная якутская культура.

Предмет исследования – традиционное якутское жилище как часть культурного ландшафта.

Цель исследования – определить ритуально-мифологическое содержание традиционного якутского жилища в контексте пространственных представлений и выявить его семиотический статус в традиционной картине мира.

Задачи исследования:

- проанализировать пространственные представления в традиционной культуре народа саха и выделить отдельные категории, связанные с организацией жизненного пространства;

²⁰ Зыков Ф.М. Поселения, жилища... С. 3.

²¹ Савинов Д.Г. Жилище Торгажака – якутский балаган: опыт историко-культурной корреляции // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы международного симпозиума. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 514.

²² См.: Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск, 1975. 200 с.; Он же. Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. 318 с.; Гоголев А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск, 2002. 104 с.; Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах. Истоки и представления. Новосибирск, 1994. 160 с.; Она же. «Люди солнечных лучей, с поводами за спиной» (судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов). М., 1997. 200 с.; Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса на материале традиций саха. Новосибирск, 2005. 307 с.; Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). Якутск, 1989. 158 с.; Колодезников С.К. Категории традиционной культуры якутов: пространство, время, движение (по материалам фольклора) // Духовная культура в жизни этноса: сб. науч. тр. Якутск, 1991. С. 5-27; Васильев В.Е. Саха терут итэгэлэ быллыргы сэхэннэргэ. Дьокуускай, 2006. 96 с.; Габышева Л.Л. Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо // Язык-миф-культура народов Сибири: сб. науч. ст. Якутск, 1994. Вып. 3. С. 3-23; Семенова Л.Н. Эпический мир олонхо. СПб., 2006. 231 с.

- выявить основные критерии выбора места жительства, реконструировать на основе различных источников строительный ритуал народа саха и рассмотреть структуру якутского поселения как пространственное целое;
- исследовать образ якутского жилища как конкретную реализацию картины мира и раскрыть способы символического оформления горизонтального и вертикального членения его пространства, осуществить структурно-семантический анализ предметов интерьера;
- выявить и проанализировать этикетное пространство с целью выявления связи жилища с социальной организацией.

Хронологические рамки исследования. Нижний хронологический рубеж исследования начинается с начала XIX в., поскольку располагаемые нами фольклорно-этнографические и лингвистические материалы относятся к данному периоду. Отдельные моменты якутской традиционной культуры сохранились до сих пор, поэтому в работе использованы материалы, относящиеся к началу XXI в., собранные в ходе экспедиций, организованных ЯГУ им. А.К. Аммосова и ИГиИПМНС СО РАН.

Территориальные рамки включают в себя территорию Республики Саха (Якутия) по состоянию на исследуемый период.

Источниковедческая база. В работе использован широкий круг различных взаимодополняющих источников, которые представлены следующими группами.

Первая, основная группа источников включает в себя этнографические материалы рукописного фонда научного Архива ЯНЦ СО РАН (А.А. Саввин, П.Б. Слепцов, Г.А. Готовцев), ПФАН (Э.К. Пекарский, В.Е. Горинович, И.П. Сойконнен, С.В. Ястремский), ИВР АН (В.М. Ионов), Архива МАЭ (Кунсткамера) (А.А. Попов). Помимо собственно этнографических текстов, использовались фольклорно-лингвистические материалы, нашедшие отражение в мифопоэтической традиции народа саха.

Вторую группу источников составляют этнографические коллекции фондов Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Е.М. Ярославского; историко-этнографических комплексов с.

Черкех Таттинского улуса и с. Соттинцы Усть-Алданского улуса; краеведческих музеев вилюйской группы улусов.

Третья группа источников включает в себя визуальное наследие И.В. Попова и М.М. Носова (фотографии и рисунки (зарисовки) древних якутских построек) оказавшее огромную роль в написании данной работы, воссоздав реальную картину мира традиционной культуры народа саха, в т.ч. традиционного жилища.

Эмпирическую базу исследования составили результаты полевых этнографических исследований диссертанта – интервью с информантами, фотографии экспонатов этнографических и краеведческих музеев, историко-этнографических комплексов (2004, 2005 гг. – вилюйская группа улусов, 2007 г. – Чурапчинский и Таттинский улусы, 2009 г. – Усть-Алданский улус).

Методологическая база и методика исследования. В качестве методологической основы диссертационного исследования использовался принцип историзма, где любое явление культуры рассматривается как подвижная система взаимодействия культуры жизнеобеспечения и мировоззренческих представлений. В работе использовался системный (структурный) подход к изучению элементов культуры, суть которого коротко и ясно сформулировал Ю.М.Лотман: «Особенность структурного изучения состоит в том, что оно подразумевает не рассмотрение отдельных элементов в их изолированности или механической соединенности, а определение соотношения элементов между собой и отношения их к структурному целому. Оно неотделимо от изучения функциональной природы системы и ее частей»²³. Такой системный подход и стремление перейти от наблюдения отдельных феноменов культуры этноса к целостному ее анализу все более проникают в этнографическую науку и, в частности, в изучение материальной культуры народа. Примером успешного применения такого подхода к анализу явлений культуры стали работы Н.Л. Жуковской об основных категориях традиционной культуры монголов, оказавшие влияние на формирование концепции данного диссертационного исследования.

Теоретической основой послужили основные положения и разработки В.Н. Топорова, уделившего внимание таким вопросам, как словообозначение вещей,

²³ См.: Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 17-35.

соединение в них материального и идеально-духовного начал; А.К. Байбурина, определившего семиотический статус материальных объектов при реконструкции традиционных восточнославянских верований; С.Ю. Неклюдова, Т.В. Цивьян, Л.Н. Виноградовой, Е.С. Новик, С.М. Толстой, О. Беловой, выделивших «вещный мир» как особый, символический язык традиционной культуры; монографические исследования Э.Л. Львовой, И.В. Октябрьской, А.М. Сагаляева, М.С. Усмановой, М.М. Содномпиловой, обративших внимание на описание регионального материала, к которому якутская культурная традиция была близка генетически, типологически и территориально.

Для решения поставленных задач из всего многообразного комплекса методов были использованы интегративный метод, допускающий применение материалов и результатов исследований комплекса гуманитарных дисциплин; системный анализ, позволяющий упорядочить обширный материал, привлеченный по теме работы и объединенный целью исследования. Приоритетными методами исследования стали семиотический и структурно-функциональный – универсальный принцип организации духовного опыта на основе бинарных оппозиций культуры, применявшийся К. Леви-Строссом, в сочетании с методическими приемами полевой этнографии – непосредственным наблюдением и экспедиционным опросом, методом сопоставительного анализа. Для восполнения фрагментарности фактического материала был применен и метод реконструкции.

Научная новизна диссертации заключается в том, что предлагаемое исследование является первой попыткой осмысления традиционного жилища народа саха в контексте пространственных и ритуальных измерений и его целостного семиотического анализа. Введены в научный оборот новые этнографические данные по якутской культуре в целом, и жилищу, в частности. Проведенное исследование позволяет получить более полное, целостное представление о традиционном жилище народа саха и его месте в мировоззрении.

Кроме того:

- выделено несколько значений осмысления жизненного пространства: «освоенное пространство», «одомашненное пространство», «очеловеченное пространство»;

- выявлены значения пути/дороги в контексте пространственных отношений и дана ее интерпретация как коммуникативной единицы между освоенным и неосвоенным пространствами, природным и культурным мирами;
- на основе различных источников реконструирован строительный ритуал народа саха, в которых тема творения представляется как наивысшее сакральное действие;
- выявлена и проанализирована символическая структура якутского жилища по вертикальным и горизонтальным направлениям, охарактеризован образ жилища в традиционной картине мира;
- описаны знаково-символические функции «вещного мира» жилища, участвующего в космологизации и социализации пространственно-планировочной структуры жилища;
- выявлено особое поведенческое пространство внутри жилища, обусловленное этикетными и ритуальными действиями.

Положения, выносимые на защиту. С учетом результатов проведенного исследования, на защиту выносятся следующие положения:

1. Для якутской культуры характерно концентрическое освоение мира. Культурный ландшафт, понимаемый как жизненное пространство, прагматически, семантически и символически освоенное группой людей, рассматривается в качестве «освоенного пространства», включающего в себя следующие категории: «одомашненное пространство» – хозяйственно освоенное и обжитое место жительства *алаас* и «очеловеченное пространство» – максимально освоенное и приближенное к человеку пространство/жилище.

2. Освоенное пространство состояло из многих концентрических кругов/сфер, вписанных друг в друга, представляющих собой своего рода мифологически-пространственную «матрешку». Так, в мифопоэтическом сознании членение пространства на разграниченные локусы-сферы с семантическим центром – прообразом Мирового дерева, происходит по следующей схеме: первый круг обозначает Вселенную, его центром выступает Мировое дерево; второй круг – Средний мир и его центр *Аал Луук мас* (Мировое дерево); с третьего круга начинается включение реальных элементов ландшафта – *алас* и *Ытык*

мас (Священное дерево); четвертый круг – *тиэргэн* (двор) и *сэргэ* (коновязь); пятый круг – жилище и очаг-камелек.

3. В якутской культуре человек был буквально тождественен с пространством родной земли и представлял собой часть этого пространственного континуума. Вследствие этого природный ландшафт выступал классификатором его жизненного и социального пространства. Так, центральная часть освоенного пространства всегда характеризовалась как центр *дойду* ('средний мир'), а периферия – как лес и река, поэтому, про людей из дальних местностей говорили: *тюбэ кихитэ* ('человек с далеких мест'), *юрэх баһын кихитэ* ('человек из верховьев реки'), *тыаттан сылдьар* ('человек из леса'), *ойуур сахата* ('лесной якут'), а люди, населяющие Среднюю Лену, считались людьми с центра (*дойду дьоно*).

4. На основе различных источников нами реконструирован ритуал строительства жилища народа саха. При анализе действий старейшины *алгысчыта* ('заклинателя') в процессе строительства выявляется, что данная сакральная фигура была наделена демиургическими способностями, причем, он моделировал всю организацию жизненного пространства человека: начиная с процесса выбора места жительства, кончая включением жилища в «освоенное пространство».

5. Пространственная организация якутского подворья/усадыбы разделена на бинарные оппозиции мужской/женский, правый/левый, передний/задний, благородный/неблагородный. Таким образом, в «сакральной топографии» усадыбы четко выделены мужские и женские локусы, наделенные положительной и отрицательной семантикой.

6. Внутреннее пространство жилища, дублируя все организованное пространство в целом, разделялось на две основные позиции: правую/переднюю/высокую, наделенную положительной семантикой и левую/заднюю/нижнюю – отрицательной семантикой. Такое дуальное членение пространства жилища характерно и для общей конструкции всего поселенческого комплекса.

7. Анализ семантического поля «вещного мира» жилища показал, что в знаково-символическом плане предметы интерьера обладали семантикой пути, расположение их было обусловлено сегментацией пространства по горизонтали

через нары-орон, связанные с оппозициями потомок/предок, и по вертикали: путь в сакральные пространства (символика стола-сандалы в ритуальных действиях) и идея роста (подвешенность колыбели символизирует двоичность природы ребенка как существа, находящегося между двумя мирами).

8. Основными ритуально-значимыми объектами жилища выступают главный опорный столб (юго-западный) и очаг/камелек, которые формировали вертикальную и горизонтальную организации пространства, выступали семантическими центрами освоенного (столб) и одомашненного пространства (очаг), выполняли полоразделительную функцию и дифференцировали пространство на дуальные оппозиции.

9. Деление внутреннего пространства жилища на правую/положительную и левую/отрицательную локусы, на верхнюю/позитивную и нижнюю/негативную зоны, обозначает этикетное пространство человека, где четко проявляются полоразделительная и социально-разделительная функции жилища.

10. Выделены сакральные фигуры «гостя» (*ыалдьыт*) и «свата» (*суорумньу*). Гость как пришелец из иного мира включался в освоенное пространство жилища путем соблюдения этикетных норм и ситуаций, которые являлись составными компонентами поведенческого пространства. Приход/уход гостя (*ыалдьыт*) как в праздничные, так и в будние дни не разрушал гармоничного равновесия в пространстве жилища при соблюдении определенных норм поведения и правил. Приход свата/*суорумньу* был связан с важными событийными ситуациями и символизировал нарушение гармоничного равновесия в пространстве жилища уходом/приходом члена семейного коллектива (невеста).

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные данные открывают перспективы для более полного раскрытия духовной культуры народа саха и принципов его мировосприятия. Основные положения работы могут быть использованы в научных исследованиях по традиционной культуре якутов, при создании обобщающих работ по этнографии якутов, в учебной работе преподавателей вузов, при разработке специальных курсов по проблемам семиотики, создании музейных экспозиций и разработке планов по воссозданию традиционной архитектуры народа саха.

Апробация. Диссертация прошла обсуждение в секторе этнографии народов Северо-Востока России ИГиПМНС СО РАН (Якутск), некоторые положения были апробированы в виде доклада в секторе тюркологии и монголистики ИВР РАН (СПб.). Основные вопросы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на международных конференциях («Мир Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2007), на VII российско-монгольской научной конференции молодых ученых и студентов «Алтай: экология и природопользование» (Бийск, 2008), The 16th IUAES World Congress (Kuming, 2009), на российских (VIII Конгресс этнографов и антропологов России (Оренбург, 2009 и др.) и региональных конференциях.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность и новизна темы исследования, анализируется степень ее научной разработанности, определяются предмет и объект исследования, формулируются цель и задачи, устанавливаются хронологические и территориальные рамки, выявляются методологические основания работы, характеризуется источниковая база, говорится о практической значимости и апробации исследования.

В **первой главе «Организация жизненного пространства в якутской культуре»** рассматриваются пространственные представления и принципы организации жизненного пространства народа саха. Она состоит из трех разделов.

В первой части *первого раздела первой главы «Пространственные представления в традиционной модели мира народа саха»* рассматриваются основные пространственные представления в традиционной картине мира народа саха. В связи с этим выделяются следующие категории пространственной сферы, связанные с организацией жизненного пространства, где *Орто дойду* (Средний мир)/*алаас* выступает как обжитое, хозяйственно освоенное пространство; *ти-эргэн* (двор) – «одомашненное пространство» семейного коллектива; *дьиэ, ба-*

лаган (дом/жилище) «очеловеченное пространство» – максимально освоенное пространство.

Во второй части раздела «Освоенное пространство – родная земля» рассматривается хозяйственно освоенное пространство, которое в якутской культуре определяется как «родная земля». В этом контексте «родная земля» (*тё-рөөбют дойду*) представляет собой историко-культурный ландшафт, наиболее полно отражающий жизненное пространство локальных групп этноса. Так, народ саха свое происхождение, ареальную принадлежность больше всего связывает с водными объектами ландшафта: *бюлюю сахалара* (вилюйские якуты – по названию реки Вилюй), *дьааны сахалара* (северные якуты (верхоянские якуты) – по названию реки Яны), *дойду дьоно, илин энэрдэр* (центральные якуты, заречные якуты ‘проживающие за рекой Лена’). Отождествление своего происхождения с «водным миром», возможно, означает, что в прошлом у предков народа саха существовала высокоразвитая «водная мифология/культура».

Третья часть раздела посвящена выявлению категории пути/дороги в контексте пространственных отношений, где она характеризуется горизонтальным и вертикальным движениями и их направлениями – центробежным и центростремительным. Центробежное движение связано с освоением чужого пространства, преодолением преград, борьбой, а центростремительное – с движением к центру земли, сакральному центру и возвращением в первоначальную точку отсчета движения.

Отделяя человека от внешнего мира, жилище служило для него универсальной точкой отсчета в пространстве. И в этом смысле каждый человек рассматривал свой дом как центр мира и средоточие своего пространства – покидая «свой» дом и попадая в «чужой» (внешний) мир, он лишался покровительства первого. Отсюда и столь высокая степень ритуализации действий, совершаемых перед отправлением в путь и вообще выходом из дома. Существовал своеобразный этикет для «уходящих из дому», т.к. соблюдение всех правил для отъезжающих в пространстве дома было гарантией их успеха в пути²⁴.

Во втором разделе первой главы «Выбор места жительства и ритуал строительства народа саха» рассматриваются способы доместикации про-

²⁴ Романова Е.Н. «Люди солнечных лучей, с поводьями за спиной»... С. 51

странства и реконструируется строительный ритуал народа саха. Органическая взаимосвязь процесса строительства нового жилища с мифологическими схемами творения мира прослеживается во всей символической нагрузке корпуса строительных обрядов.

Материал, место и время выбирались по строгим правилам, которые способствовали успешному исполнению функциональных и символических назначений будущего жилища. Процесс преобразования дикой природы из “чужого” в культурное “свое”, происходило путем упорядочивания и освящения выделенного пространства – разжиганием огня внутри закладки будущего дома и жертвоприношением. Новый дом, подобно новорожденному, считался еще не до конца освоенным, обряды перехода преодолевали его инаковость, включали его в систему социальных связей, в мир людей.

В корпусе строительных обрядов особое место занимали ритуальные гадания, выделяющие в ритуальной схеме оппозиции свое/чужое, пригодное/непригодное, жилое/нежилое, что в социальном коде соответствует оппозиции жизнь/смерть.

Анализ операциональных мотивов строительного обряда позволил выявить наряду с креационной фигурой строителя, сакральную фигуру *алгысчыта*/старейшины *ага ууһа*, функции которого раньше выполнял *айыы-шаман*.

В *третьем разделе первой главы «Структура якутского поселения и его пространственная организация»* показывается структура поселения/двора/подворья как семиотическое целое и раскрывается их ценностно-мифологическая значимость.

В этом разделе освещены и охарактеризованы основные типы традиционных жилищ разных конструкций. Более древние типы жилищ (ураса) имеют круглое основание. С одной стороны, это характерная форма организации «одомашнивания» пространства, а с другой – общепринятая форма его космологической структуризации. Анализируется форма организации жизненного пространства, где в качестве основных символических геометрических форм выступают круг и квадрата. В якутской традиции круг цельность, законченность границу «освоенного пространства», т.к. в первую очередь в данном вещном оформлении манифестируется идея защищенности; форма квадрата, т.е.

«очеловеченного пространства» (балаган, кровать, коврик/олбох), прежде всего, выражает продуцирующее начало.

Семиотический анализ якутского подворья/усадьбы как единого организма выявил, что в ее пространственной организации четко выражена гендерная стратификация, которая выражается также и бинарными оппозициями правый/левый, передний/задний, благородный/неблагородный. Мужская зона/правая сторона находилась в южной части усадьбы, где сооружались объекты ритуального и охотничьего назначения, как-то: Могол ураса, амбары для охотничьих принадлежностей, загон для лошадей. Маркировкой мужского пространства выступала коновязь-сэргэ, возводимая для хозяина дома и важных гостей. Женский левая сторона представлялась как нечистая зона. Здесь находились объекты хозяйственного назначения: хотон, амбары для хранения и приготовления продуктов, *дал* (изгородь) для содержания скота. Примечательно, что ритуальные сооружения, направленные на коммуникативную связь с небесными божествами, ставились на правой стороне усадьбы (вешание на ритуальный столб *кэрэх/шкуру* «небесной» лошади), а с нижними духами (вешание *кэрэх* коровы или быка) – на левой стороне. Ритуальные коновязи, моделирующие продуцирующую функцию женщины (коновязь *Айыысыт* и коновязь невесты) устанавливали с наружной стороны жилища у северо-западного столба. Анализ членения пространства усадьбы на дуальные понятия позволил выстроить следующий ряд соответственных понятий: мужское начало, чистое пространство, благородное место, ритуально-значимая зона и женское начало, отождествление женщины и скота с социальным, космологическим «низом» и нечистой зоной.

Вторая глава «Культура жилища: семантика и образ жилища в ритуальном пространстве» посвящена описанию комплекса представлений, связанных с семиотикой жилища. В данной главе жилище выступает как пространство, включающее в себя космологическую и социальную семантику.

В первом разделе второй главы «Жилище в ритуальном пространстве» глубокому анализу подвергались пространственные характеристики внутреннего оформления «одомашненного пространства». Во всех традиционных культу-

рах жилище являло собой *imago mundi* – «образ Вселенной»²⁵, в котором моделировались вертикальная и горизонтальная структуры пространства. Семантическая ось Вселенной (*Axis mundi*) в жилище представлена через очаг/камелек. По отношению к этому центру и производилось пространственное членение жилища.

В якутском жилище вертикальную структуру представляет диагональ юго-западный угол/*биллирик* (Верхний мир) – предпечье (Средний мир) – запечье (Нижний мир).

Горизонтальная сфера нашла отражение в членении внутреннего пространства жилища на четыре основные части света. Так, восточная и южная стороны представляли собой правый мужской с положительной валентностью локус, а западная и северная – отрицательный левый женский локус.

Во второй части раздела жилище рассматривается как место обитания человека и источник его жизненной силы. Жилище/дом выступало как своеобразная сакральная оболочка, внутри которой находился человек. Система отношений жилище/человек основывалась на взаимном обогащении жизненной силой и положительной энергетикой и являла собой единое органическое целое.

Второй раздел второй главы «Семантика внутреннего пространства жилища» состоит из двух подпунктов, где рассматривается вертикальное и горизонтальное членение пространственно-планировочной структуры якутского жилища и его вещное оформление.

В первом подпункте второй главы «Семантика элементов вертикальной структуры жилища» внимание автора уделено семантическому анализу элементов вертикальной структуры жилища: опорных столбов, очага/камелька, крыши, двери/порога. Уже при установке жилища чрезвычайно важным считалось соблюдение правил ориентировки и размещения его составных частей. Так, выбранное для дома место сначала обозначается опорными столбами, затем устанавливается семантический центр «одомашненного» пространства – очаг/камелек, после этого оформляются пограничные элементы дома: крыша,

²⁵ Мирча Элиаде. Священное и мирское. М., 1994. С. 24.

дверь, окна. Каждый элемент пространства дома имел сложную семантику, продиктованную мировоззренческими установками.

Опорный столб, как и очаг, представлял собой центральную космическую ось *Axis mundi*, т.к. именно вокруг этих объектов начиналось обживание территории. Отсюда – главная ритуальная роль опорного столба и очага и их совмещение в одном семантическом гнезде как сакральных центров.

Из сказанного следует важный вывод о том, что если очаг/камелек выступал исключительно в роли семантического центра «одомашненного» пространства, то опорные столбы *багана* рассматривались как маркировка «очеловеченного пространства» и как пограничный объект, разделяющий «свое» и «чужое».

Особая семантическая нагрузка в пространстве дома приходится на верхнюю зону, отождествляющуюся с небесной сферой. Если опорные столбы являли собой космические опоры, то матица была наделена сакральной функцией небесного верха.

Необходимым условием жилого пространства было наличие пороговых (пограничных) предметов, которые как бы устанавливали контакт с внешним миром. Пограничными объектами, осуществлявшими связь с внешним миром являлись окно, светодымовое отверстие/дымоход, дверь.

Значимость данных объектов в ритуальном пространстве была обусловлена их включенностью в периферийную область, обладавшую семантической «двунаправленностью», т.е. обращенностью с одной стороны, к «своему» миру, а с другой – к «чужому».

Второй подпункт второй главы « 'Язык вещей' горизонтальной структуры жилища» посвящен исследованию знаковой и функциональной природы «вещного мира» пространства жилища, их социальной и мифологической семантики.

Горизонтальный план планировки якутского жилища структурировался по таким полярным категориям, как южное/северное, мужское/женское, сакральное/профанное, правое/левое, молодое/старое, чистое/нечистое. Сакрализация дома осуществлялась с помощью ряда предметов, размещение которых на определенном месте и точное исполнение относящихся к ним предписаний превращали жилище в «очеловеченное пространство», противостоящее прочему

миру. К ним относились следующие предметы: нары *орон*, стол *сандалы*, культовые предметы и детская колыбель *биһик*. В ходе исследования диссертант дает их символическое «прочтение». Внутреннее пространство распределялось по периметру через расположение нары/оронов вдоль стены. Место и значение каждого *орона* определялось по «шкале семиотичности»: от минимально значимых объектов к объектам (*оронам*) с высоким семиотическим статусом.

От расположения *оронов* зависело и деление внутреннего пространства жилища на правую/левую, высокую/нижнюю, благородную/неблагородную зоны.

В ритуальном пространстве жилища каждая вещь обладала определенным семиотическим статусом и была связана с идеей рода и семьи: стол-сандалы, одеяло, колыбель, занавеска выполняли функции возрастного разделения и половой дифференциации.

Локализация культовых предметов (*туктуйэ, бах тангара*) к верхней/передней сакральной части жилища объяснялась их первоначальной принадлежностью к «священным» («чистым») предметам ритуального пространства. Хотя, если посмотреть с точки зрения пространственных отношений, то расположение в западной/левой части от главного опорного столба нагружает их семантику отрицательной валентностью. В этом контексте можно отметить, что стол-сандалы как сакральный предмет обязательно располагался с правой стороны юго-западного столба. Детская колыбель как пограничный объект находилась на стыке границ. Следует отметить, что основным сырьем для предметов интерьера являлись береза и мех (шкура). Так, береста, в ритуальном пространстве символизировала «сакральную оболочку» души-кут человека, а мех был связан с креационным мотивом и продуцирующей идеей.

Третий раздел второй главы «Этикетное и ритуальное поведение в доме: обычаи гостеприимства» рассматривает организацию поведенческого пространства внутри жилища.

Жилище как «одомашненное пространство» объединяет членов семьи, а его внутренняя структура разделяет их. Так, выявляется культурный горизонт жилища, определяющийся оппозициями: почетный/непочетный, сакраль-

ный/мирской, гостевая/хозяйственная. В этом случае, культурный горизонт обладает социо- и полоразделительными функциями.

В этом разделе выявляется и анализируется сакральная фигура гостя. При этом особое внимание уделяется этикетному поведению домочадцев, символике их действий, пространственной организации будничного и праздничного застолья. В этом контексте делается важный вывод о том, что во время праздничного застолья «инаковость» гостя полностью стирается, и он становится одним из «своих», т.е. принятие пищи объединяет людей единой положительной энергетикой. Семейная трапеза была пространственно изолирована, закрыта от посторонних, и гости не могли принять участие в будничной трапезе.

Во второй части раздела нами выявляется особая символическая нагрузка сакральной фигуры *суорумньу/свата*. Анализ структуры обычая *суорумньулааһын* (сватовство) показал, что это – демонстрация одного из важных мотивов творения – мотива растягивания, расширения как реплики космогонической технологии. Таким образом, *суорумньуһут* представлялся как особое сакральное лицо, который как бы вылепливал жизнь, рождал, моделировал будущую семью, их счастье. Причем действия *суорумньуһута* и его акциональные высказывания соотносились с действиями Всевышнего божества, который символически вылепливал Небо (муж) и Землю (жена). Следует отметить, что одним из значений корня *суор* является слово ‘стругать’. Таким образом, *суорумньу* моделировал, «стругал» жизни будущей семьи.

В **заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы диссертации, позволяющие наметить новые перспективы изучения организации жизненного пространства и жилища в целом.

В **Приложении** содержатся материалы из фондов ПФАН (СПб.), Архива ЯНЦ СО РАН, фотографии музейных экспонатов и типов традиционных якутских жилищ из историко-этнографических комплексов.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. *Данилова, Н.К.* Историко-культурный ландшафт: восприятие пространства в мировоззрении народа саха [Текст] / Н.К. Данилова // Известия Российского государственного педагогического университета. Аспирантские тетради. – 2008. –

№ 26 (60). – С. 100-103 (0,5 п.л.).

2. *Данилова, Н.К.* Жилище в системе традиционного мировосприятия народа саха [Текст] / Н.К. Данилова // Филология и человек. – 2008. – № 4. – С. 42-51

(0,6 п.л.).

3. *Данилова, Н.К.* Выбор места жительства народа саха [Текст] / Н.К. Данилова // Традиционная культура : научный альманах. – М., 2009. – № 2 (34). – С. 56-65

(1,2 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

4. *Васильева, Н.К.* Предметный мир якутов: охотничьи обряды и ритуальные символы [Текст] / Н.К. Васильева // Проблемы гуманитарной науки в трудах молодых исследователей / ИГИ АН РС (Я). – Якутск, 2004. – С. 67-75 (0,6 п.л.).

5. *Васильева, Н.К.* Традиционное жилище народа саха в контексте знаковой информации [Текст] / Н.К. Васильева // Проблемы гуманитарной науки в трудах молодых ученых / ИГИ АН РС (Я). – Якутск, 2005. – С. 37-50 (1,2 п.л.).

7. *Васильева, Н.К.* Описание шаманского жертвоприношения божееству Кытатай Бахсы в материалах Г.Ф. Миллера (XVIII в.) [Текст] / Н.К. Васильева // Ученые Германии о Якутии / ИГИ АН РС (Я). – Якутск, 2005. – С. 65-70 (0,3 п.л.).

8. *Данилова, Н.К.* Подарок в ритуальном пространстве [Текст] / Н.К. Данилова // Гуманитарная наука в трудах молодых исследователей / ИГИ АН РС (Я). – Якутск, 2006. – С. 183-200 (1,1 п.л.).

9. *Данилова, Н.К.* Язык и культура олонхо [Текст] / В.Е. Васильев, Н.К. Данилова, Е.Н. Романова // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества : сб. научн. тр. / ИГИ АН РС (Я). – Якутск, 2007. – С. 128-131 (0,6/0,2 п.л.).

10. *Данилова, Н.К.* Культурный ландшафт в мировоззрении народа саха [Текст] / Н.К. Данилова // Алтай: экология и природопользование : тр. VII российско-монгольской конф. для мол. ученых и студентов : в 2 ч. / БГПУ. – Бийск, 2008. – Ч. 1. – С. 250-260 (0,6 п.л.).

11. *Danilova, N.X.* Horse in the Arctic culture Sakha [Text] / N.X. Danilova, E.N. Romanova // Asian Collaboration in IPY 2007-2008 : Proceedings of the International Symposium. – Токуо, 2008. – P. 175-177 (0,8/0,4 п.л.).

12. *Данилова, Н.К.* К семантике кумысного ковша [Текст] / Н.К. Данилова // Потаповские чтения : сб. науч. ст. – Якутск, 2008. – С. 76-85 (0,6 п.л.).

13. *Данилова, Н.К.* Могол ураса как архитектурное воплощение якутского мировоззрения [Текст] / Н.К. Данилова // Во имя возрождения, сохранения и развития культуры народов Сибири...: Русская этнографическая традиция : сб. науч. ст. – Новосибирск : Наука, 2010. – С. 100-112 (0,8 п.л.).

14. *Данилова, Н.К.* Знаковая система культуры жизнеобеспечения: семантика образа жилища [Текст] / Н.К. Данилова // Гуманитарная наука в Якутии : исследования молодых ученых : сб. науч. ст. – Новосибирск: Наука, 2010. – С. 97-108 (0,8 п.л.).